

ОТЗЫВ

официального оппонента

на диссертацию Соколовой Марии Васильевны по теме:
«Викторианский загородный дом. Структура. Семантика. Стил»
на соискание ученой степени доктора искусствоведения
по специальности 5.10.3 Виды искусства (изобразительное и
декоративно-прикладное искусство и архитектура)

В диссертационном исследовании М.В. Соколовой рассматривается научная проблематика одной из наиболее актуальных тем современной искусствоведческой науки, которая занимает все более заметное место и в научных трудах, и в международных и национальных научных конференциях, и в концепциях художественных выставок. Все более заметное место в современной научной реальности занимает изучение стиля историзма как большого движения в искусстве XIX и первой половины XX века.

В европейской науке уже сложились устойчивые представления о существовании этого стиля, начиная с последней четверти XVIII столетия, а в отечественном научном сознании только в последние десятилетия мы стали освобождаться от не вполне объективного термина – эклектика, - который в значительной мере заменял и подменял более объективные взгляды на это явление в искусстве, определяемое как историзм. Эта подмена понятий вполне объяснима из-за «многостилевого» характера историзма, апеллировавшего ко всем или почти ко всем стилям искусства прошлого. Из-за этого были введены понятия нео-стилей, которые и составляли многообразную палитру историзма.

В значительной мере эти мысли имеют отношение прежде всего к архитектуре историзма. Этот стиль мы называем именно стилем, так как он охватывал все виды искусства: архитектуру, монументальное искусство, скульптуру, живопись, графику, декоративное и театрально-декорационное

искусство, даже музыку. Само развитие историзма свидетельствовало о высочайшем культурном уровне его создателей: как мастеров искусств, так и их заказчиков и покровителей, то есть образованной части общества XIX века, о котором идет речь в диссертационной работе.

Вполне закономерно, что объектом исследования выбрано именно викторианское искусство. Во-первых, потому, что историзм оказался в Британии почти «государственным стилем», поддержанным и монархом, и консервативной британской аристократией. Во-вторых, потому, что теоретики британского историзма, например, О. Пьюджин, Дж. Рескин, архитекторы, такие как Мэтью Д. Уайетт и Дж.Г. Скотт, а позднее У. Моррис входили в круг наиболее известных теоретиков этого стиля, наряду с Э. Виолле-ле-Дюком во Франции и К. Бойто в Италии. Справедливости ради следует назвать и их русских современников, таких как А.Н. Оленин, князь Г.Г. Гагарин, Л.В. Даль, граф А.С. Уваров, Н.В. Султанов, К.М. Быковский, В.О. Шервуд, А.В. Прахов и других.

Большим достоинством работы является то, что уже в первой ее главе (стр.13-37) автор исследования детально анализирует теоретические взгляды британских теоретиков искусства и зодчих, из которых одновременно и выросло искусство историзма, прежде всего, неоготика, объявленная королевой Викторией «национальным стилем».

В частности, «Дж.Г. Скотт задается весьма сложными вопросами: что есть имитация? Где границы истинного и ложного в архитектуре? Возможно ли их провести?» (стр. 24). Этот вопрос и сегодня будоражит умы и зодчих, и историков искусства, и поэтому дальнейшая логика построения исследования очень важна, так как системно отвечает на поставленные вопросы. В XIX веке создавались архитектурные произведения совершенно нового свойства, обладающие совершенно новыми художественными и конструктивными особенностями, раскрыть которые на примере загородного викторианского дома помогает многоплановая постановка вопроса. Сосредоточенная на символике, семантике и стилистике.

Вполне исчерпывающая историография вопроса (стр. 37-50).

Научная добросовестность заставила автора работы уделить много страниц специальной терминологии (стр.56-67). Это вполне оправдано и придает солидность представленной работе. Действительно, нюансы в определении оттенков неоготики и неосредневековых стилей Англии составляют одну из главных особенностей изучения как письменных источников, так и самих групп памятников английского историзма.

Выбор викторианского загородного дома как объекта исследования заслуживает положительной оценки по нескольким соображениям. Это менее исследованная тема по сравнению с градостроительством и архитектурой общественных зданий. При создании личной резиденции заказчик не скован условностями общественного заказа. В загородном доме проявляется более личностное отношение к стилям и выбору зодчего. Также надо помнить о консервативных вкусах английской аристократии и буржуазии.

Стержнем второй главы избрана историческая характеристика социальной среды заказчиков архитектуры загородного дома, и это абсолютно верно, так как помогает понять многие вопросы в исторической эволюции викторианского дома – от экономики до типологического разнообразия ансамбля зданий поместий. Особенно интересен в этой главе раздел о взаимоотношениях архитектора и заказчика (стр. 95-103), раскрывающий своеобразие организации архитектурного творчества в Англии всех трех этапов викторианской архитектуры: раннего, зрелого и позднего. Последнему уделено особое внимание в заключительном разделе главы.

В содержании третьей главы «Структура загородного дома как зеркало викторианского образа жизни» отражены закономерности функциональной и пространственной организации поместий XIX столетия, Автор работы приходит к выводу о том, что «рассматривая планировки усадебных домов викторианской эпохи, убеждаешься в том, что архитектор был в первую очередь озабочен задачей четкой структуализации различных зон дома,

жилых и служебных (стр. 110). Планировочные структуры подчинялись установленному образу жизни, что прекрасно показано в первом разделе главы. Второй раздел посвящен характеристике наиболее «знаковых» и известных фрагментов викторианского дома, преимущественно неоготических, как в фасадной композиции объемов, так и в интерьерах, с преобладанием общественных пространств для приемов и светских раутов.

Для создания объективной картины эволюции частного поместья, в этой же главе подробно говорится о более раннем периоде с преобладанием в архитектуре палладианских мотивов и развитием к концу XVIII - началу XIX неоготики как альтернативы неоклассицизму. В архитектуре усадеб это означало отказ от ясных классицистических решений и переход к усложненным живописным структурам романтизма и историзма. На стр. 157-204 приводится основная архитектурная типология викторианского дома: от регулярного плана к компактным планировкам небольшого объема, усложненным композициям и увеличенному масштабу периода расцвета, викторианским «замкам» и далее к новым принципам более свободной планировки. Представляют интерес заключительные разделы главы, в которых рассматриваются архитектурные решения поздне-викторианского периода. В эти годы наметились тенденции упрощения и регулярности планировочных решений.

Последняя четвертая глава полностью отведена для стилистического анализа викторианского дома. Закономерно, что вначале рассматривается неоготическая стилистика (стр. 208-228), наиболее полно отражающая неосредневековые поиски в стилистике архитектуры тех лет. Из этого направления выделены «викторианские замки», о планировочных и объемных решениях которых уже говорилось выше.

Справедливо выделение тех усадеб, в архитектуре которых усматривается итальянское или французское влияние, впрочем, тоже в духе историзма как стиля эпохи. Не остались без внимания заказчиков и зодчих староанглийские традиции и стиль Тюдор (стр. 251-266).

Закономерно и обращение автора работы к судьбам неоклассической традиции. Ее вывод абсолютно совпадает с общими закономерностями развития историзма как большого интернационального стиля: «во второй половине столетия использование классических форм может рассматриваться не иначе как вполне сознательный выбор, сделанный вопреки господствующей тенденции. Обращение к классическому наследию именно как к одной из стилистических возможностей, а не как к некому универсальному языку архитектурной традиции весьма характерно для эпохи эклектики» (стр. 275). Я бы уточнил – историзма.

Стилистическая палитра викторианской эпохи еще более расширяется в 1860-1880-е годы. Представляя и моду на французские реминисценции. И чисто английский «стиль королевы Анны», а также исключительно национальный так называемый «сельский стиль».

Как хорошо показано в работе, в поздневикторианской архитектуре возрастает роль индивидуального творческого почерка архитектора и в целом профессионального архитектурного сообщества. Именно образцы этого направления британской архитектуры становятся особенно популярными среди российских зодчих на рубеже столетий.

В заключении подводятся итоги исследования и формулируются выводы о закономерностях эволюции викторианского загородного дома, особенностях его типологии, стилистики и социальной обусловленности архитектурных процессов.

Наряду с положительной оценкой работы, необходимо остановиться на следующих пожеланиях к ее содержанию.

Во-первых, в работе желателен раздел хотя бы кратко характеризующий типологию в целом викторианской архитектуры для более ясного определения места и значения частного викторианского дома в контексте общеархитектурных закономерностей. Во-вторых, было бы интересно расширить представления о нео-стилях и их разновидностях в эволюции викторианского дома, провести их своеобразную «инвентаризацию» в связи

со вкусами заказчиков и мастерством зодчих и художников. О многообразии неоготики уже прекрасно говорилось в первой и четвертой главах. Было бы интересно включить в этот обзор и другие нео-стили, особенно неомавританский, учитывая богатый колониальный опыт Британии. Итальянские мотивы в этот период, видимо, следует воспринимать как неоренессанс и т.д.

В третьей главе рассмотрение стилистической и композиционной эволюции викторианского дома в XVIII и XIX столетиях было бы более уместно рассматривать в хронологическом порядке, начав главу с третьего раздела.

В приложение можно было бы вынести краткие биографические данные о наиболее выдающихся британских зодчих, художниках и теоретиках архитектуры викторианского периода.

Что касается терминологии, то правильнее было бы говорить о «неоготическом», а не о «готическом» стиле (стр. 205 и далее).

Эти пожелания не влияют на положительную оценку диссертационного исследования. Его автор прекрасно владеет материалом, что доказано как богатым содержанием, так и владением основными источниками работы. Диссертация отвечает требованиям, установленным Московским государственным университетом имени М.В. Ломоносова к работам подобного рода. Содержание диссертации соответствует специальности 5.10.3 Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура), а также критериям, определенным пп. 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском Государственном университете имени М.В. Ломоносова, а также оформлена согласно требованиям Положения о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора наук Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Таким образом, соискатель Соколова Мария Васильевна заслуживает присуждения ученой степени доктора искусствоведения по специальности

5.10.3 Виды искусства (изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура).

Официальный оппонент:

Доктор искусствоведения, заведующий кафедрой истории русского и византийского искусства Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова», действительный член Российской академии художеств

Савельев Юрий Ростиславович

Дата подписания: 13.09.2024

Контактные данные:

E-mail: art_1757@mail.ru

Тел. 8 915 33 41 555

Специальность, по которой официальным оппонентом защищена диссертация: 17.00.09 – Теория и история искусства

Адрес места работы:

101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 21

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова», кафедра истории русского и византийского искусства

E-mail: info@glazunov-academy.ru: тел: (495) 621-07-02